СТИХИ

ВЛАДИМИР ГНЕУШЕВ

ОДЕРЖИМЫЕ

Где бы ни встретил — славлю
одержимость,
когда она решимости полна.
И эту неприступную
решимость —
не преступленьем меряет она.
Художник ходит,
темой одержим,
он до конца теперь ее не
бросит.
В ней каждый довод
неопровержим,
хоть спать не даст
и денег не приносит.
И химика клянет его родня за
то,
что он затравленно химичит.
То песню над пробирками
мурлычет,
то ночь сидит на стуле,
без огня.
Свободою был Кастро
одержим —
не для своей персоны —
для народа!
Они фашистский сбросили
режим,
я вот теперь страна у них
свободна.
Полярники полгода солнца
ждут,
тоскуя о любимых и о семьях.
Конструкторы ракеты создают,
геологи ощупывают землю.
Да что там!
Облаками шевеля,
сама земля летит неудержимо.
И, стало быть,
движеньем одержима
надежда человечества —
Земля.
Я славлю одержимых.
Пусть они
кому-то и горьки, и неудобны.
Они для нас
не просто камень пробный,
а созиданья вечные огни.
Мне кажется:
метут зимой снега,
цветут деревья,
кровь грохочет в жилах
и океаны плещут в берега —
во имя и во славу одержимых!

ОНИ ОСТАЮТСЯ

Памяти журналиста и друга Володи Воинова.

Товарищи уходят,
как сдаются
той, что навеки проклята
давно.
— Останьтесь!— говорим.
Не остаются.
— Вернитесь!
Возвращаться не дано.
И все.
И тихо кружатся над ними
то холод зим,
то зыбкий летний зной.
Могилы пахнут птицами
степными,
полынным ветром
и голубизной.
И все.
И только ветер треплет листья
вдоль тех оград,
с утра и до темна,
где, словно пламя, светят
обелиски
и звезды рдеют,
словно ордена.
Мы в смерти их
виним порою что-то:
то северную долгую метель,
то сдавшиеся крылья самолета,
или болезнь,
свалившую в постель.
Да, это все проклятия
достойно.
Но ты, печаль,
ослепнуть не должна.
Я знаю, что солдат уносят
войны,
а чем работа наша
не война?
По одному товарищи уходят.
Как лес деревья,
мы теряем их.
Но, люди,
мы и дальше на походе
в себе несем товарищей своих.
Они стихотворением
пробьются,
улыбкой
и газетной полосой.
И, значит, не сдаются —
остаются
они
назло разлучнице косой!
Степные птицы в небе свищут
что-то,
колеблются над нами снег и
зной.
И поднимает крылья самолета
полынный,
терпкий ветер
над землей.
Бессмысленны такие утешенья,
но вы,
мои далекие друзья,
не плачьте, если,
сдав от напряженья,
в каком-нибудь полете рухну
я.
Тогда вы нас ищите в строчках
этих,
в прохладной,
яркой,
утренней росе.
В глотке вина,
растущих наших детях,
в улыбках
и на взлетной полосе...